

Лун Сюань посмотрел на Нин Фэя:

— Но я всё равно не могу забыть его! Даже если он стал самым грязным, самым низким человеком в этом мире, я всё равно думаю о нем. Знаешь, почему я выколол ему глаза? Потому что в его взгляде я больше не видел прошлого. В его глазах осталась только ненависть, больше ничего. Я обвинял Ло Вэй в предательстве предков, но всё, что он делал, было ради меня. Он предал предков, а я предал его — мы оба грешники.

Нин Фэй больше не мог слушать и прервал его:

— Ваше Величество, пожалуйста, не говорите о прошлом.

— Не говорить? — Лун Сюань усмехнулся. — Как можно не говорить? Я любил его! Я — безумец, настоящий безумец!

Слезы Лун Сюаня упали на подушку.

— Безумец!

Ло Вэй ушел, желая, чтобы он никогда не приходил сюда.

Улицы были тихими, снег тихо падал. В памяти Ло Вэй Шанду никогда не был таким безмолвным. Он стоял под крышей одного из домов, изредка мимо проходили люди, оставляя следы на снегу, которые вскоре снова скрывались под новым слоем.

После заката из дворца раздался погребальный звон.

Лун Сюань умер.

Вся страна скорбела.

Ло Вэй стоял под крышей, не думая ни о чем, просто смотрел. Он видел, как на воротах каждого дома появлялись белые знамена. Монахи из Храма Хуго спешили мимо него, направляясь во дворец, чтобы читать молитвы за усопшего императора. Улицы, некогда оживленные, за одну ночь опустели.

Семь дней спустя новый император провожал своего отца в императорскую гробницу.

Ло Вэй увидел Се Юя, Лю Шуанши, Чжэн Цзинфэна и всех чиновников двора императора Пинчжана.

Нин Фэй сопровождал нового императора. Всего за семь дней он постарел, его виски поседели.

Ло Вэй смотрел на огромный гроб. Лун Сюань прожил всего на год больше, чем он. Лун Сюань был прав: он, Ло Вэй, был подлецом, а Лун Сюань — безумцем. Нин Фэй был жалок, полюбив такого безумца, который перед смертью сказал ему, что любит подлеца, а не его, несмотря на их близость.

Ветер и снег усилились, напоминая Ло Вэю о вьюге в день его смерти. Было ли это совпадением или судьбой, predetermined с самого начала? Ло Вэй хотел плакать, но слез не было.

Знамя призыва душ, подхваченное ветром, упало к ногам Ло Вэя.

Взгляд Нин Фэя последовал за знаменем, остановившись на крыше, под которой стоял Ло Вэй. Там, где упало знамя, казалось, стоял человек. Нин Фэй пошатнулся, чуть не упав. Почему Ло Вэй здесь?

— Генерал, — подбежал к нему коллега, чтобы поддержать.

Нин Фэй поспешно посмотрел туда, где только что был Ло Вэй, но там лежало лишь знамя, никого не было. Его взгляд, полный скорби, устремился на гроб.

— Я иду искать Ло Вэя, — последние слова Лун Сюаня были таковы. — Боюсь, он больше не захочет видеть меня.

Нин Фэй никогда не понимал, о чем думал Лун Сюань. Физическая близость приносила лишь пустоту. Он также никогда не понимал Ло Вэя. Почему тот любил Лун Сюаня? Любил человека, который никогда не был добр к нему, готовый отказаться от всего. Возможно, это было лишь делом Лун Сюаня и Ло Вэя, а он, Нин Фэй, был лишь посторонним, абсолютно чужим.

— Генерал? — новый император тоже остановился.

— Ваше Величество, прошу прощения за мою несдержанность, — поспешно извинился Нин Фэй.

— Пойдем, — новый император тоже посмотрел на крышу, где лежало знамя.

Нин Фэй решил, что это было лишь видение. Как Ло Вэй мог быть здесь? Провожать императора в последний путь? Он в последний раз взглянул на крышу, где знамя уже унесло ветром. Ло Вэй не придет. После такого предательства, как он мог простить?

— Сколько в мире безумных влюбленных, — прошептал наставник государства, идущий в конце процессии. — Но мудрость приносит боль, а глубокая любовь — короткую жизнь.

— Учитель? — монахи вокруг не понимали. Почему наставник, открывший духовное зрение, говорил такие слова в день смерти императора?

— Ушедший ушел, лучше вернуться! — в глазах наставника была печаль, он взглянул в небо и тяжело вздохнул.

Вернуться? Ло Вэй посмотрел вокруг. Где был его путь домой?

Зазвучали молитвы, те, кто слушал внимательно, услышали мантру для усопших. Император ушел, его душа отправилась в императорскую гробницу Сячуань. Зачем читать мантру для усопших?

Гроб Лун Сюаня и процессия постепенно исчезли из виду.

Люди, стоявшие на коленях вдоль улиц, медленно расходились.

Улицы снова стали тихими.

Следы на снегу, ещё недавно заполненные, вскоре скрылись под новым слоем.

Ло Вэй проснулся, рядом никого не было. Он не произнес ни слова, просто лежал. Если это был не сон, то это был финал прошлой жизни, полной любви и ненависти. Лун Сюань любил его?

Ло Вэй тихо засмеялся. Это была очередная смешная шутка.

Теплая рука коснулась его щеки.

— Лань, — Ло Вэй посмотрел на Вэй Ланя и улыбнулся.

Вэй Лань выбежал из комнаты, крича:

— Господин очнулся!

Ло Вэй не знал, что был без сознания полмесяца. Врачи говорили, что он может никогда не проснуться, семья уже готовилась к его похоронам, все были готовы принять его смерть.

— Господин, чувствуете ли вы дискомфорт? — спросил врач Вэй. За ним стояли другие врачи, а далее — все члены семьи Ло.

— Я слаб, — Ло Вэй не чувствовал боли, лишь сильную слабость.

Врач Вэй проверил его пульс, затем уступил место другому врачу. Все присутствующие врачи по очереди осмотрели его, а затем собрались для обсуждения.

Ло Вэй посмотрел на свою семью и улыбнулся:

— Я в порядке, не беспокойтесь.

Первой заплакала Фу Хуа. Всё это время она винила себя за то, что никогда по-настоящему не заботилась о Ло Вэе.

Врачи вздохнули с облегчением. Хотя Ло Вэй всё ещё был в жару, его сознание прояснилось, что означало улучшение состояния.

— Вэй, — Фу Хуа подошла ближе и мягко спросила. — Ты голоден? Хочешь что-нибудь съесть?

Ло Вэй покачал головой. Он не был голоден.

— Как это возможно? — сказал Ло Чжицю.

Врач Вэй подошел:

— Третий сын может выпить немного каши, но пока избегайте жирного.

Но прежде чем кашу подали, Ло Вэй снова закрыл глаза.

— Вэй! — первым заметил это Ло Цзэ.

Ло Вэй снова открыл глаза:

— Что случилось?

Он не знал, что все в комнате боялись, что он больше не проснется.

— Снова хочешь спать? — спросил Ло Ци.

Ло Вэй, чувствуя слабость, действительно хотел спать.

— Поешь немного, а потом спи, — Фу Хуа подошла и поправила его растрепанные волосы.

Теплая каша была подана. Фу Хуа кормила Ло Вэя ложка за ложкой. Мать и сын никогда раньше не были так близки. Ло Вэй съел несколько ложек, затем покачал головой, говоря, что наелся.

— Съешь ещё немного, — уговаривала Фу Хуа. — Ещё несколько ложек.

Ло Вэй съел ещё немного, но его начало тошнить, и он вырвал всё, что съел.

Лекарь Вэй, видя бледные лица семьи, покачал головой:

— Дайте третьему сыну отвар женьшеня.

После сильной рвоты Ло Вэй стал ещё слабее и вскоре снова уснул. Когда он проснулся, у его кровати сидел Ло Чжицю, словно он ждал уже долгое время.

— Проснулся? — Ло Чжицю, увидев открытые глаза Ло Вэя, поспешно потрогал его лоб. Он был холодным, жар спал. — Всё ещё плохо? — спросил он.

Ло Вэй покачал головой.

Сяосяо выбежал и вскоре принесла чашку отвара женьшеня.

Ло Чжицю кормил Ло Вэя ложка за ложкой.

После теплого отвара лицо Ло Вэя, бледное как бумага, немного порозовело.

— Отец, — спросил он Ло Чжицю. — Кто меня схватил?

Ло Чжицю ответил:

— Не беспокойся об этом сейчас. Самое важное — это твое здоровье.

<http://bllate.org/book/16669/1528810>